

ИЗЪ СТАРАГО ПО ПОВОДУ СОВРЕМЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

(ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ, ЧИТАННАЯ ВЪ МОСКВѢ ВЪ ПОЛЬЗУ БОЛГАРЪ, ПОСТРАДАВШИХЪ ОТЪ ВОЙНЫ).

(Посвящается Е. Ѳ. Тютчевой).

Скажите, не утро-ль съ Востока встаетъ?
Не новая-ль жатва подъ прахомъ ростетъ?
Хомяковъ.

За послѣдніе мѣсяцы неоднократно приходилось встрѣчать указанія на то, что современное намъ положеніе христіанъ въ Турціи живо напоминаетъ гоненія, которыя воздвигались противъ христіанскаго имени въ теченіи первыхъ трехъ вѣковъ нашей эры. Но эти указанія не шли далѣе простаго сопоставленія примѣровъ жестокости, которые записаны кровавыми чертами на скрижаляхъ церковной исторіи, съ тѣми страданіями, которыя претерпѣваютъ нынѣ христіане въ Турціи. Во всей же полнотѣ эта, дѣйствительно замѣчательная параллель, проводимая между двумя столь отдаленными эпохами, не была подвергнута обстоятельному разсмотрѣнію. Глубокіе, въ высшей степени поучительные уроки можно получить, сравнивая положеніе христіанъ въ первые три вѣка, съ современнымъ положеніемъ ихъ въ Турціи.

Скажутъ, что подобное сравненіе можетъ повести къ внесенію религіознаго элемента въ вопросы политическаго свойства. Правда, господствующій интересъ въ настоящее время представляетъ политика. Но политика, наряду съ другими проявленіями дѣятельности человѣческаго духа, находится въ тѣсной связи съ самымъ глубокимъ интересомъ человѣческаго духа, т. е. съ религіознымъ интересомъ. Одинъ изъ знаменитыхъ ученыхъ нашего вѣка, подвизавшійся между прочимъ и на политическомъ поприщѣ, говоритъ, что

всѣ политическіе и соціальные вопросы приводятъ всегда въ послѣднемъ ихъ разрѣшеніи къ религіозному принципу (Гизо). Это такъ и должно быть, и представители человѣческихъ обществъ, по справедливому замѣчанію одного изъ современныхъ апологетовъ христіанства, не должны забывать, что ни одно изъ дѣйствій человѣческихъ не можетъ разсчитывать на прочность и долговременность, какъ скоро оно не становится въ связь съ вѣчными жизненными силами, простирающимися надъ всѣми измѣненіями времени, жизни и исторіи, какъ небо надъ землей; отъ нихъ эта жизнь должна получать свою внутреннюю силу и благословеніе.

Въ современныхъ обстоятельствахъ особенно поразительное состоитъ въ томъ, что въ вѣкъ самой широкой цивилизаціи совершаются неслыханныя притѣсненія. Гуманныя начала цивилизаціи проповѣдуются не какимъ нибудь кружкомъ отдѣльныхъ лицъ, или ослабѣвшимъ обществомъ, безсильнымъ противъ грубой, подавляющей силы варварства,—на сторонѣ этихъ гуманныхъ началъ стоитъ весь могучій цивилизованный міръ, въ полномъ развитіи своихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ. Очевидно, явленіе притѣсненій при всемъ томъ указываетъ на что-то не совсѣмъ здоровое въ ходѣ современной цивилизаціи, на какой-то диссонансъ, который рѣшительно разстраиваетъ тотъ хвалебный концертъ, который раздавался такъ часто въ пользу успѣховъ 19 вѣка.

Для уясненія положенія дѣла, мы избрали историческій путь. Факты давно минувшаго рисуются гораздо опредѣленнѣе, отчетливѣе: приговоръ объ нихъ произнесенъ; сужденіе можетъ быть тверже, яснѣе. Наконецъ, эпоха, на которой мы желаемъ остановиться, представляетъ дѣйствительно поразительное сходство съ фактами, совершающимися на нашихъ глазахъ.

Гонимые, безправные христіане; фанатическая злоба язычниковъ, разражающаяся періодически страшными жестокостями; глубокое нерасположеніе къ христіанамъ образованныхъ и правительственныхъ классовъ; философія на тронѣ цезарей рука объ руку съ фанатизмомъ невѣжественной массы; безправіе при общемъ развитіи права; убійства и жестокости при полной тишинѣ и спокойствіи...

Кажется, для насъ не должно быть обиднымъ сопоставленіе нашей цивилизаціи съ древнимъ греко-римскимъ образованнымъ міромъ.

Правда, въ старыхъ учебникахъ мы привыкли встрѣчать указанія на страшный деспотизмъ, тяготѣвшій надъ римлянами временъ имперіи, на разореніе многихъ гражданъ и т. д. Но извѣстно, что только тогда можно получить правильное понятіе о предметѣ, когда станешь на правильную точку зрѣнія, иначе наблюдаемый предметъ предстанетъ предъ наблюдателемъ или не во всемъ своемъ видѣ, или въ ложномъ освѣщеніи. Это особенно справедливо при оцѣнкѣ такого предмета, какъ римская имперія, объединившая весь образованный міръ своего времени.

Если мы будемъ наблюдать римскую имперію съ высоты капитолія, въ виду древнихъ памятниковъ славныхъ временъ республики,—то несомнѣнно сдѣлаемъ заключеніе не въ пользу имперіи. Если же перенесемся въ какой нибудь провинціальный городъ и оттуда станемъ разсматривать дѣло римлянъ, то придемъ къ противоположному выводу.

По мнѣнію Амедея Тьерри, эта послѣдняя точка зрѣнія можетъ быть охарактеризована слѣдующими стихами Румилія, галльскаго поэта V вѣка.

Fecisti patriam diversis gentibus unam;
Profuit invictis, te dominante, capi;
Dumque affers victis patrii consortia Juris,
Urbem fecisti quod prius orbis erat.

Прекрасная мысль Амедея Тьерри, выраженная въ прекрасныхъ стихахъ галльскимъ поэтомъ, дала мнѣ планъ моего разсужденія. Я прослѣдилъ шагъ за шагомъ, начиная отъ соединенія товарищей Ромула въ убѣжищахъ на берегу Тибра, исторію Рима латинскаго, италійскаго, всемірнаго до того времени, когда всѣ цивилизованные народы и часть варварской націи были соединены подъ властію одной державы. Изъ всѣхъ точекъ зрѣніи на великую исторію, эта показалась мнѣ самою возвышенною и вѣрною.

Дѣйствительно, что бы ни говорили о террорѣ, царившемъ въ Римѣ и тяготѣвшемъ впрочемъ всегда болѣе надъ отдѣльными лицами,—провинціи во время имперіи отдыхали и наслаждались спокойствіемъ, безопасностью и правильными учрежденіями.

«Если мы бросимъ взглядъ на восточныя монархіи,—говоритъ Гиббонъ въ своей «Исторіи упадка и разрушенія римской имперіи»,—

то мы увидимъ деспотизмъ въ центрѣ и анархію на окраинахъ. Сборъ податей или отправленіе правосудія поддерживаются арміею; наслѣдственные сатрапы; варвары, готовые нахлынуть на безсильное государство; провинціи, воздвигаемыя на возмущенія, но неспособныя пользоваться свободою, — вотъ предметы, поражающіе наше вниманіе. Но покорность римлянамъ была добровольна, однообразна и вѣрна. Побѣжденные народы образовали одинъ народъ, они утратили надежду, даже желаніе стать независимыми. Авторитетъ императоровъ проникалъ безъ малѣйшаго препятствія въ отдаленнѣйшія части ихъ обширныхъ владѣній; на берегахъ Темзы и Нила ихъ воля исполнялась съ такой же легкостью, какъ и на берегахъ Тибра».

Новый духъ, малоизвѣстный, начинаетъ проникать и оживлять это исполинское тѣло.

«Я рожденъ не для уголка земли, говоритъ Сенека, родина моя—міръ». Въ другомъ мѣстѣ: «Смѣшонъ человѣкъ съ его рубежами и границами: житель Дакіи не долженъ переступать Истра; Стримонъ служитъ границею Ѳракіи; Эвфратъ отдѣляетъ насъ отъ пароянъ; Дунай отъ Сарматіи... Дайте муравью умъ человѣка, можетъ быть и онъ раздѣлитъ часть сада на сто провинцій» (Epist. 47).

Рабъ по римскимъ законамъ считался, правда, все еще не болѣе, какъ вещью. Но уже сдѣланы попытки улучшить и ихъ положеніе,—а Сенека прямо и рѣшительно признаетъ святость каждой отдѣльной человѣческой личности: homo res sacra... «Каждый человѣкъ благороденъ, потому что происходитъ отъ Бога: если въ твоей родословной есть темная ступень, перешагни ее, стань выше. Подымись къ источнику благородства, къ тому, отъ кого мы всѣ произошли: мы всѣ сыны Бога».

Мы не будемъ здѣсь распространяться о тѣхъ разнообразныхъ улучшеніяхъ въ практической жизни, — въ земледѣліи, промышленности, въ путяхъ сообщенія; объ исполинскихъ постройкахъ: храмахъ, амѳитеатрахъ, дорогахъ, водопроводахъ и т. д., — о безчисленныхъ предметахъ роскоши и комфорта, украшавшихъ жизнь гражданъ даже средняго класса,—о всеобщемъ довольствѣ и изобиліи и проч. и проч.

Что касается собственно образованія, — то оно, повидимому, никогда еще не распространялось болѣе широкимъ потокомъ, никогда не пользовалась большимъ почетомъ. Книжная торговля въ Римѣ можетъ быть приравнена развѣ только къ книжной торговлѣ главнѣйшихъ европейскихъ городовъ. У мастеровъ книжнаго дѣла сотни переплетчиковъ, корректоровъ, переписчиковъ постоянно сидѣли за работой и въ короткое время изготовляли сотни, тысячи экземпляровъ. Почты развозили ихъ по провинціямъ. Книги продавались по баснословно дешевой цѣнѣ. Какъ это ни покажется страннымъ, но тогда писалось и читалось не меньше, чѣмъ теперь. Одна Александрійская библіотека заключала въ себѣ 700,000 книжныхъ свитковъ. Большія библіотеки въ Римѣ, вѣроятно, мало чѣмъ уступали Александрійской. Множество частныхъ библіотекъ доказываютъ, что образованіе и чтеніе было сильной потребностью. Не было недостатка и въ газетахъ.

Религія въ это время, правда, поослабла. Но ее замѣнила философія,—слово, равносильное тогда нашему: цивилизація. Хорошій тонъ непремѣнно предписываетъ слѣдовать какому нибудь философскому ученію. Поэзія была не въ меньшемъ почетѣ: ея процвѣтанію особенно способствовали миръ и удобства, принесенныя имперіей. Въ аристократическомъ кругу особенно вошло въ моду—заниматься поэзіей. Всякій стремился писать стихи,—хорошо ли, дурно ли, а писали.

Нравственность въ римскомъ обществѣ временъ имперіи находилась въ упадкѣ. Можно указать на борьбу противъ порока въ самомъ римскомъ обществѣ, а какъ скоро есть борьба, протестъ противъ безнравственности, то нельзя считать эпоху вполнѣ развращенною. Въ римскомъ обществѣ временъ имперіи процвѣтало едва ли не болѣе другихъ обличительное направленіе въ литературѣ. Наконецъ, если бы это общество до мозга костей было развращено, то оно не могло бы доставить ревностныхъ послѣдователей Христу; христіанское ученіе не нашло бы среди его такой воспріимчивой почвы.

По словамъ Гиббона, для современника было дѣломъ почти невозможнымъ открыть въ этомъ всенародномъ счастіи скрытые зародыши упадка и разложенія.

Современники, напротивъ, были въ восторгѣ отъ этого всесторонняго прогресса и предсказывали скорое наступленіе залотаго вѣка.

Виргилій говоритъ въ 4 эклогѣ:

Является уже послѣдній вѣкъ Сивиллы кумейской;
снова начинается могучее круговое теченіе вѣковъ.
Уже возвращается дѣва, возвращается царство Сатурна,
и новый родъ нисходитъ съ высокаго неба.
Смотри, какъ на поколебленной оси трепещетъ вселенная,
смотри — земля и глубины моря и все пространство неба,—
какъ все радуется наступающему благодатному вѣку!

Но—странное дѣло!—изъ среды этой блестящей образованности исходило что-то удушливое, тяжелое... Жизнь блестѣла всевозможными цвѣтами и сулила тысячи наслажденій, а между тѣмъ прокрадывалось какое-то равнодушіе къ жизни, апатія, taedium vitae, по выраженію Тацита. Могучая цивилизація, осыпая человѣка всѣми дарами, въ тоже время, какъ будто что-то уносила, отнимала у него, но что̀, однако, для нравственной жизни человѣка также необходимо, какъ свѣтъ и воздухъ для—физической.

У того же Сенеки есть другая сторона, которою онъ вполнѣ выражаетъ настроеніе своего времени. Это — мрачная, до отчаянія доходящая скорбь, которая прорывается наружу изъ подъ философскихъ разсужденій. Не къ блестящей и пышной цивилизаціи отсылаетъ онъ за утѣшеніемъ, а къ смерти.

«Да утѣшитъ тебя смерть»,—вотъ что только могъ онъ сказать несчастному. «Она есть конецъ и разрѣшеніе печалей.»

Не одинъ Сенека, — Плиній старшій, также раздѣлявшій стоическія правила, выражаетъ тѣже мысли: «изъ всѣхъ существъ самое гордое и жалкое есть человѣкъ. Онъ начинаетъ бытіе свое слезами, плачемъ... Одна половина его короткой жизни проходитъ во снѣ, изъ другой надобно исключить безсмысленное дѣтство и страдальческую старость. А между тѣмъ эта краткость существованія—лучшій изъ даровъ, полученныхъ нами отъ природы. Но человѣкъ дорожитъ бытіемъ. Его мучитъ жажда безсмертія. Онъ вѣритъ въ свою душу и въ другую жизнь. Развѣ человѣку не суждено найдти покоя? Неужели у него будетъ отнято высшее благо жизни, т. е. смерть, не-

предвидѣнная и скорая... Намъ отказано въ высочайшемъ счастіи небытія, зачѣмъ же лишать себя единственнаго возможнаго утѣшенія, надежды на возвратъ въ ничтожество?...» Утѣшеніе, какъ видите, плохое!

Глубокій пессимизмъ проходитъ чрезъ двѣ главнѣйшія философскія системы: эпикуреизмъ и стоицизмъ. Въ той и другой философіи сильно звучитъ презрѣніе къ жизни, затаенное на днѣ ученія. Необузданный разгулъ чувственнаго наслажденія, упоеніе оргіи—и безотрадное, непреклонное выполненіе отвлеченнаго долга—одинаково служили исходомъ для лучшихъ изъ римлянъ...

Странное это явленіе—пессимизмъ! Мы не въ первый разъ встрѣчаемся съ нимъ въ разсматриваемую нами эпоху,—и замѣчательно, онъ повторяется какъ разъ въ такое время, когда все, повидимому, должно бы внушать довольство. Несомнѣнно, что греческая жизнь проникнута была духомъ веселости, наслажденія. Это въ наши дни прославляли часто, какъ преимущество древняго міра. Давидъ Штраусъ возводилъ даже античный строй жизни въ недосягаемый идеалъ. Но и сквозь эту веселость, сквозь это, повидимому, полное упоеніе жизнію прорывается грустная нота,—и эта грусть, съ развитіемъ прогресса, съ почти повсемѣстнымъ распространеніемъ греческой образованности, выступаетъ все болѣе и болѣе, пока наконецъ глубокое чувство разочарованія, несчастія, неудовлетворенной жажды не заступаетъ окончательно мѣста того прекраснаго единства между духомъ и природой, между идеею и формой, которое составляло особенность болѣе раннихъ временъ греческой жизни.

Въ наше время замѣчается довольно аналогическое явленіе, конечно, хорошо извѣстное наблюдателямъ современной жизни. Въ наши дни, когда прославленіе нашей цивилизаціи сдѣлалось общимъ мѣстомъ, рождается пессимистическая философія. Пессимизмъ рекомендуется поэтамъ и художникамъ, какъ мотивъ, могущій сообщить глубокій интересъ ихъ произведеніямъ. «Наиболѣе видный, пріятный продуктъ нашей цивилизаціи,—говоритъ Тауберъ, одинъ изъ представителей современнаго пессимизма,—есть искусство. Но какіе мотивы способны наиболѣе расшевелить душу поэта? Это—не восторги радости, а элегическіе тоны печали,—не оптимизмъ, а пес-

симизмъ. Верхъ искусства словеснаго—трагедія тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ глубже всеобъемлющій ея пессимизмъ».

Этотъ пессимизмъ, это глубокое недовольство и разочарованіе жизнію въ то время, когда жизнь такъ хорошо бываетъ обставлена, есть не что иное, какъ протестъ души человѣческой, которая проситъ для себя хлѣба, а получаетъ камень; онъ подтверждаетъ ту вѣчную истину, что человѣкъ можетъ быть бѣденъ среди умственнаго и матеріальнаго богатства. Этотъ пессимизмъ, періодически повторяющійся въ исторіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ *без идеала не можетъ жить.* Съ вѣрой въ идеалъ онъ, по слову Христа, всемогущъ, — въ противномъ случаѣ онъ безсиленъ, при всемъ видимомъ могуществѣ. Развѣ римляне временъ имперіи, съ своими легіонами, слабѣе были своихъ предковъ? А между тѣмъ, по сознанію Тацита, они оказывались безсильными противъ разрозненныхъ германскихъ племенъ. Еще одно сравненіе просится на бумагу: развѣ сильнѣе были средневѣковые европейцы, геройски *отнявшіе Палестину у могущественнаго врага*, чѣмъ ихъ *потомки*, которые теперь, при всемъ видимомъ могуществѣ, не въ состояніи были защитить христіанъ доселѣ. Скажутъ, — то было время юношески-неосмысленныхъ подвиговъ. Правда; но кто заподозритъ чистоту самаго одушевленія? Да развѣ, наконецъ, такъ уже безплодны были для Европы крестовые походы?..

У римлянъ временъ имперіи не было главной движущей исторической силы: вѣры въ идеалъ. *Что же стало на его мѣсто?*

Самымъ типическимъ представителемъ римской поэзіи въ первое, и самое лучшее, время римской исторіи можетъ быть названъ Горацій. Горацій принадлежалъ къ разряду тѣхъ людей, которые не хотѣли знать ни боговъ, ни философіи. «Nulla mihi religio est», откровенно объявляетъ Горацій. «Жизнь коротка, лови минуты наслажденія, избѣгай заботъ и дѣлъ, не думай о завтрешнемъ днѣ». *Общій характеръ его стихотвореній опредѣленъ* имъ самимъ: jocos, venerem, convivia, ludum (шутки, любовь, пиры и забавы). Еще далѣе въ этомъ направленіи пошли Тибулъ и въ особенности Проперцій. Послѣдняго Грановскій справедливо называетъ жрецомъ и поклонникомъ плоти. У него,—говоритъ тотъ же авторъ,—нѣтъ другаго служенія; онъ молитъ для человѣчества только од-

ного: вѣчнаго міра, чтобы оно могло вполнѣ предаться чувственнымъ наслажденіемъ. Не трудно, — продолжаемъ словами того же автора,—составить себѣ понятіе о томъ обществѣ, къ потребностямъ котораго была приноровлена такая поэзія. Оно гордилось своимъ просвѣщеніемъ, ясностію и вѣрностію своихъ воззрѣній, забавляясь мнимымъ отсутствіемъ предразсудковъ, и не замѣчало, что оно купило эти блага утратою тѣхъ идеаловъ, безъ которыхъ жизнь народовъ и отдѣльныхъ лицъ лишена всякаго достоинства и значенія. Она низошла до самаго грубаго матеріализма. Персій вложилъ въ уста старому центуріону исповѣдь большей части своихъ современниковъ: мнѣ достаточно собственной философіи! я не хочу походить на Аркезилая или Солона.... Пускай они обдумываютъ собственныя слова или больныя бредни какого нибудь изъ древнихъ, въ родѣ: «ничто не можетъ произойти изъ ничего, ничто не возвращается въ ничто». Стоитъ ли изъ за этого блѣднѣть или отказываться отъ обѣда. (Грановскій, т. II).

Изъ отдаленнаго уголка имперіи,—съ Востока повѣяло на древній міръ новымъ, живительнымъ духомъ. Началось сначала едва замѣтное движеніе, на которое даже мало обращали вниманія,— но движеніе продолжалось, усиливалось, волновало общество. Правительство и ученые люди скоро должны были убѣдиться, что это движеніе выходитъ совершенно изъ ряда другихъ, что въ немъ сказывается что-то новое, небывалое...

Что же это за движеніе? Что новаго оно вносило въ жизнь?

А оно именно и было тѣмъ, въ чемъ такъ сильно нуждалось человѣчество,—оно выступило съ несокрушимой вѣрой въ идеалъ,— въ соціальномъ отношеніи, провозглашая начала, которыя предчувствовала и языческая философія; оно отличалось тѣмъ, что здѣсь, въ этомъ новомъ движеніи, эта проповѣдь тотчасъ же становилась жизнію, слово и жизнь были нераздѣльны.

Казалось,—самыя задушевныя мечты и чаянія лучшихъ язычниковъ сбывались на ихъ глазахъ, пустота наполнялась, вмѣсто испарившихся идеаловъ заблисталъ надъ человѣчествомъ новый, совершеннѣйшій идеалъ: будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный... Міру возвѣщалось великое, безконечное будущее.

Но,—удивительно! тѣ же мудрецы, тѣ же *проповѣдники* гуманныхъ началъ не узнали въ *открывающейся* предъ ихъ изумленнымъ взоромъ новой силѣ ничего своего, роднаго, поспѣшили приладиться къ господствовавшему строю, противъ котораго такъ вооружались, только бы подальше, поглубже разойтись съ новымъ возникавшимъ строемъ мысли и жизни.

Мудрецы и философы, прежде такъ ѣдко осмѣивавшіе притязанія императоровъ *на божественное достоинство, теперь* обращались къ нимъ съ увѣщаніями такого рода: «что дурнаго, порочнаго въ томъ, что тебя заставляютъ божиться именемъ императора? Ему во власть дана земля, и все, что ты получаешь въ этой жизни, все это получаешь отъ него». (Origen. contra Cels. I. VIII, p. 435).

Само собою понятно, что не интересы императора, какъ бога, отстаивали при этомъ язычники.

Очень пристало *язычникамъ* въ то время, какъ возмущеніе слѣдуетъ за возмущеніемъ, обвинять христіанъ въ мятежности! «Мы хорошо знаемъ,—говоритъ Тертулліанъ,—вѣрность римлянъ къ своимъ цезарямъ. Никогда между ними не было никакихъ мятежей. Ни сенатъ, ни императорскій дворецъ никогда не видали, чтобы въ ихъ стѣнахъ проливалась кровь цезарей. Его величество высоко чтится въ провинціяхъ. И однако поля въ Сиріи усѣянны трупами, а Галлія еще не очистила волнъ своей Роны отъ осквернившей ихъ крови». (Tertull. ad Nation. I. 17). Мы, правда, не приносимъ жертвъ въ честь императора,—говоритъ тотъ же писатель,—но молимся за него; мы почитаемъ его не какъ Бога, но какъ избранника Божія; мы не оказываемъ ему тѣхъ суетныхъ почестей, какія вы, но чтимъ его чистымъ образомъ мыслей.

Тѣмъ не менѣе, посмотрите, какъ хитрый римлянинъ старается представить отказъ принести жертву въ честь цезаря, какъ государственное преступленіе, какъ мятежное ослушаніе.

— «Ты обязанъ любить цезаря, *какъ человѣкъ, живущій по римскимъ законамъ*», говоритъ проконсулъ одному св. мученику (Debes amare principes nostros, homo romanis legibus vivens. Acta martyr. 129).

— «Кто больше любитъ цезаря, отвѣчаетъ мученикъ, какъ не мы,—христіане? Мы непрестанно молимъ о его долгоденствіи, просимъ

ему справедливаго правленія, мирнаго царствованія, успѣховъ его оружію и благосостоянія всего міра.

— «Хорошо, — говоритъ проконсулъ. Принеси же вмѣстѣ съ нами жертву въ честь цезаря — *и докажи этимъ* свое послушаніе ему».

— «Я молю Бога за цезаря, возражаетъ мученикъ, но жертвы въ честь его нельзя—ни требовать, ни приносить: возможно ли человѣку оказывать почести, приличныя только Богу и т. д.» (Ibid).

Сцены, подобныя этой, должны были часто повторяться во время преслѣдованій.

Не очевидно ли, что язычникъ скорѣе старается навязать государственное преступленіе, чѣмъ дѣйствительно обвиняетъ въ немъ, или предполагаетъ его возможность.

Нерасположеніе къ христіанству тѣмъ болѣе удивительно, что чѣмъ выше стоялъ язычникъ по развитію, чѣмъ, повидимому, чище, свѣтлѣе, благороднѣе были его взгляды, тѣмъ большую антипатію чувствовалъ онъ къ христіанству. Въ чемъ же разгадка этого явленія? —

Маркъ Аврелій, безспорно, былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ цезарей и въ тоже время благородныхъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, людей своего времени; тѣмъ не менѣе едва ли кто нибудь болѣе его ненавидѣлъ и презиралъ христіанъ, и едва ли при какомъ либо другомъ цезарѣ совершались большія неистовства надъ христіанами.

Капитолинъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ характеръ правленія М. Аврелія: cum populo autem non aliter agit, quam est actum sub civitate libera, т. е. подъ его правленіемъ жилось совершенно также, какъ въ свободномъ государствѣ. Онъ умѣлъ,— говоритъ тотъ же писатель, — злыхъ дѣлать добрыми, а добрыхъ доводить до совершенства (Hist. Aug. 27). Онъ старался всегда смягчать наказаніе, опредѣленное законами, хотя въ тоже время былъ неумолимо строгъ къ явнымъ и закоренѣлымъ преступникамъ. Отчего же цезарь, столь снисходительный къ человѣческимъ слабостямъ и каравшій только неисправимую порочность, отказываетъ христіанамъ въ своемъ расположеніи? Отчего этотъ мудрецъ въ пурпуровой мантіи, презиравшій, несмотря на свое высокое положе-

ніе, всѣ блага міра сего и изъ всего блеска античной образованности усвоившій себѣ самый лучшій свѣтъ ея—гуманность, — отчего онъ такъ жестоко преслѣдовалъ христіанъ, былъ для нихъ несравненно болѣе страшенъ, чѣмъ какой нибудь Коммодъ, или Геліогабалъ? Въ чемъ разгадка этого явленія? —

Въ коренномъ противорѣчіи съ христіанствомъ того начала, которое искони было усвоено языческимъ міромъ, развивалось вмѣстѣ съ его исторіей и, наконецъ, выступило наружу и воплотилось въ лучшихъ его представителяхъ. Культура могла измѣнить лишь форму его проявленія, отнюдь не уменьшая его существованія и силы.

Мы вовсе не желаемъ умалять значенія и нравственнаго достоинства М. Аврелія. Мы вполнѣ признаемъ высоту его образа мыслей, его честныя, добросовѣстныя стремленія къ осуществленію идеала, который онъ выработалъ для себя, равно какъ и благородство его чувствованій, его характера; мы постараемся только обратить вниманіе на источникъ, изъ котораго истекаютъ какъ всѣ достоинства, такъ и темныя стороны этой личности.

По своимъ убѣжденіямъ, Маркъ Аврелій принадлежалъ къ стоической школѣ. Извѣстно, что стоицизмъ пришелся всего болѣе по вкусу римлянъ изъ всѣхъ разнообразныхъ системъ, занесенныхъ съ Востока. Это зависѣло главнымъ образомъ отъ особенностей римскаго характера. «Если для грека добродѣтель была ἀρετή, то для римлянина — virtus т. е. мужество, — говоритъ епископъ Хрисанфъ; — на этомъ, болѣе физическомъ, чѣмъ чисто нравственномъ, понятіи основывались и изъ него развивались и всѣ дальнѣйшія нравственныя воззрѣнія римлянина. Изъ такого начала, конечно, можно было вывести требованія честности, справедливости, вѣрности и всѣ общественныя добродѣтели, которыми Римъ, особенно древній, славился; но подобный взглядъ на добродѣтель былъ чуждъ всякаго представленія о злѣ нравственномъ и объ источникѣ этого зла въ человѣческой испорченности. Римлянинъ, какъ и грекъ, дѣйствительно до конца не имѣлъ сознанія о нравственномъ поврежденіи человѣка, или о ненормальности въ ходѣ нравственной жизни. Самый возвышенный изъ мыслителей Рима, Сенека, по основамъ своего воззрѣнія — сто-

икъ, но по развитію мысли и въ рѣшеніи частныхъ, особенно нравственныхъ вопросовъ, стоявшій выше началъ стоицизма, котораго мораль иногда сопоставляютъ съ христіанскою, — часто говоритъ о злѣ и бѣдахъ въ жизни, ярко рисуетъ нравственную борьбу въ человѣкѣ, но и онъ чуждъ мысли о глубокомъ внутреннемъ поврежденіи человѣческой природы....» (Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству т. 2. стр. 621).

«Слѣдуй природѣ» или «живи согласно съ природой» — вотъ нравственный принципъ стоицизма. Точнѣе: живи согласно съ твоей разумной природой, насколько она не сдѣлалась искуственной и фальшивой, а сохранилась въ своей естественной простотѣ, будь въ твоемъ знаніи и въ твоей волѣ тѣмъ, чѣмъ сдѣлала тебя природа, именно,—разумною частію разумнаго цѣлаго; ты долженъ быть самымъ разумнымъ и находиться въ общеніи съ разумнымъ міровымъ цѣлымъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать безразсудству и собственному произволу.

Но развѣ наше естественное мышленіе находится въ нормальномъ состояніи? спрашиваетъ одинъ изъ современныхъ намъ апологетовъ (Изъ апологетики Лютарда. Прав. Обозр. 1866 г. 21).

«Одно благо есть основаніе и причина блаженной жизни: это довѣріе къ собственнымъ своимъ силамъ» (Sibi fidere. Seneca. Epist. 31).

Но развѣ естественныя силы человѣка не ослаблены, не дано имъ дурное направленіе?...

Такъ шла прямо въ разрѣзъ съ христіанскимъ ученіемъ о раскаяніи и искупленіи падшаго эта философія, уничтожавшая, впрочемъ, всякую религію вообще.

«Что такое спокойствіе духа и совершенная свобода? — совершенное отсутствіе страха къ людямъ и богамъ, безграничное обладаніе самимъ собою».

«Глупо умилостивлять боговъ. Какая нужда въ молитвѣ и обѣтахъ? Самъ себя счастливымъ сдѣлай».

«Не безумно ли просить о томъ, чего самъ собой можешь достигнуть? не должно простирать руки къ небу.»

«Никто меня не принуждаетъ, никто не стѣсняетъ, не служу я богу,—но согласуюсь съ нимъ» (Seneca).

Такъ всѣ нравственныя положенія стоицизма, истекаютъ изъ основнаго начала—гордости.

«Милосердіе есть *порокъ*—порокъ душъ, чрезъ мѣру благосклонныхъ къ бѣдствующимъ. Опредѣлимъ, что такое прощеніе (venia), и мы поймемъ, что мудрецъ не долженъ прощать. Прощеніе есть оставленіе заслуженнаго наказанія, дается тому, кто *долженъ* быть наказанъ. Но мудрецъ ничего не дѣлаетъ, чего не должно, ничего не опускаетъ, что дѣлать должно» (De clementia, lib. 11, c. 5, 6, 7).

За оскорбленія мудрецъ не долженъ мстить, но это только потому, что онъ не можетъ быть вовсе и оскорбленъ: онъ ставитъ себя слишкомъ высоко, чтобы что нибудь могло оскорбить его.

Мудрецъ не долженъ гнѣваться, не поддается увлеченію страстей, но это вовсе не потому, чтобы онъ имѣлъ въ душѣ миръ, исполненъ былъ свѣтлой кротости и покоя, а потому, что онъ ставитъ себя слишкомъ высоко для того, чтобы что нибудь могло возмутить его самодовольное спокойствіе.

Вообще въ глазахъ мудреца вся эта земная жизнь слишкомъ презрѣнна и не стоитъ того, чтобы мудрецъ безпокоилъ себя изъ-за нея.

Зло въ мірѣ для него имѣетъ мало значенія; ко злу и добру онъ относится совершенно безразлично.

Злые играютъ свою роль, точно также, какъ и добрые. Мудрецъ смотритъ на эту игру съ невозмутимымъ равнодушіемъ.

Если-жъ этотъ міръ своими дрязгами слишкомъ уже надоѣдаетъ мудрецу, безпокоитъ его, то онъ оставляетъ его, лишаетъ себя жизни...

Стоическая школа, состоявшая изъ людей, проникнутыхъ до мозга костей высокомѣріемъ, мечтала возвратить греко-римскому міру все его древнее величіе. Но на своемъ пути она встрѣтилась съ презираемой сектой, которая оспаривала у ней господство и уничтожала ея вліяніе. При первомъ соприкосновеніи съ стоицизмомъ, христіанство разрушало построенныя съ такимъ трудомъ подмостки и противопоставляло свою смиренную и героическую святость — ея пышной, горделивой добродѣтели.

Словомъ, по мѣткому сравненію Прессансе, стоицизмъ—это римское фарисейство,—фарисейство безъ лицемѣрія, строгое, какъ фарисейство Савла изъ Тарса; въ Римѣ точно также, какъ и въ Іерусалимѣ, оно дышало необыкновеннымъ самомнѣніемъ, нетерпимостью и слѣдовательно было отъявленнымъ, заклятымъ врагомъ религіи, проповѣдывавшей смиреніе. Всякое фарисейство, замѣчаетъ тотъ же авторъ, возсѣдаетъ ли оно на учительской каѳедрѣ, или на тронѣ цезаря,—всегда оно неизбѣжно исполнено духа преслѣдованія.

Маркъ Аврелій вполнѣ раздѣлялъ всѣ положенія стоической школы, какъ это мы сейчасъ увидимъ изъ отрывковъ одного его сочиненія.

«Представляй себѣ міръ, какъ животное, состоящее изъ одного тѣла и души. Матерія, тѣло универсума, составляетъ нѣчто текучее и способна принимать всевозможныя формы. Въ разумѣ, господствующемъ въ вселенной, нѣтъ никакого принципа, который бы увлекалъ универсумъ ко злу; онъ не учиняетъ никакого зла и не претерпѣваетъ съ своей стороны никакого ущерба. По его законамъ возникло все въ мірѣ.» (М. Ἀντ. εἰς εαυτον βιβλια VI. 1).

Слѣдствіемъ такого пантеизма, горделивое подчиненіе всѣмъ рѣшеніямъ рока было однимъ изъ главныхъ правилъ М. Аврелія.

«Отдайся безъ сопротивленія Паркѣ и предоставь ей испещрять твою жизнь приключеніями разнаго рода, какъ ей заблагоразсудится» (ibid. IV, 34).

«Быть счастливымъ значитъ любить то, что приноситъ судьба» (ibid. XII, I).

«Будь подобенъ скалѣ, о которую разбиваются волны морскія» (ibid. XI, 3).

Одушевленіе, съ какимъ мученики шли на встрѣчу смерти, ничего не значило въ глазахъ стоика: онъ не находилъ здѣсь своего спокойствія, холоднаго безстрастія.

«Душа должна быть готовой каждое мгновеніе покинуть тѣло для того, чтобы угаснуть, или разрѣшиться, или продолжать еще оставаться въ тѣлѣ. Но эта готовность должна быть результатомъ спокойнаго и свободнаго рѣшенія, а не упрямства, какъ у христіанъ» (ibid. XI, 3).

Маркъ Аврелій говоритъ иногда въ тонѣ благочестія о богахъ, но это съ его стороны непослѣдовательность; въ сущности онъ въ

нихъ не вѣритъ. Что касается до мнѣній Марка Аврелія о загробной жизни, то—«души, говоритъ онъ, разрѣшаются, уничтожаются. Ихъ поглощаетъ производительная сила вселенной. Можно сказать: это происходитъ отъ бога, это есть слѣдствіе сцѣпленія вещей». (ibid. IV, 3).

Законъ природы, сцѣпленіе вещей—вотъ единственное божество, которое онъ признаетъ, и, если онъ иногда обращается къ богамъ, то, вѣроятно, изъ приличія, изъ уваженія въ оффиціальной религіи.

«Природа! все исходитъ отъ тебя, все въ тебѣ, все снова возвращается въ тебя» (ibid, IV, 23).

Иногда можно подумать, что сердце Марка Аврелія согрѣвается чувствомъ, живо напоминающимъ христіанскую любовь. Безъ сомнѣнія, доброжелательство, природная гуманность лежала въ его характерѣ. Но и эта гуманность не безъ оттѣнка презрѣнія къ ближнимъ.

«Можно ли гнѣваться на тѣхъ, которые не знаютъ ни истиннаго зла, ни истиннаго добра?» (ibid. II, 3).

Прощеніе оскорбленія — для него только родъ стоическаго безстрастія.

«Человѣкъ ведетъ себя дурно. Что въ томъ? Это его дѣло; его чувства и дѣйствія принадлежатъ ему» (ibid. V 2.).

Иногда, впрочемъ, къ своей чести, Маркъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, и у него прорываются слѣдующія выраженія: «люди созданы другъ для друга, и такъ — улучшай ихъ, или терпи» (ibid. VIII, 59).

Извѣстно, что ничто такъ не раздражало мудрецовъ, книжниковъ іудейскихъ,—какъ идея спасенія, помилованія, прощенія. Это же самое главнымъ образомъ побуждало и цезаря-философа ненавидѣть христіанство. У него все сводится къ тому, чтобы вѣровать въ себя, въ свои природныя силы. Мудрецъ въ себѣ самомъ долженъ искать органы и средства противъ несчастій и относиться съ презрѣніемъ ко всякой посторонней помощи.

«Достаточно вѣрить въ генія, живущаго внутри насъ и его обожать со всею искренностью (ibid. II, 13). Мудрецъ находится въ самомъ тѣсномъ общеніи съ тѣмъ, кто внутри его имѣетъ свой храмъ (ibid).

«Это—божество, дѣлающее его атлетомъ въ величайшей борьбѣ» (ibid. III, IV).—Въ тѣлесной жизни все — быстро протекающій потокъ; въ душѣ все — мечта и ничтожество, дымъ; жизнь есть борьба, задержка путешествующаго; слово по смерти—забвеніе. Что же можетъ служить тебѣ руководствомъ? Одно: философія и философія—это лучшая охрана генія, живущаго въ насъ... (ibid. IV. 23). Среди этой тьмы, этой грязи,—въ этомъ потокѣ, уносящемъ вмѣстѣ съ собою матерію и время,—есть ли что нибудь, заслуживающее уваженія? — Я не вижу ничего. Напротивъ, я долженъ утѣшать себя и спокойно дожидаться смерти, не тяготясь замедленіемъ и успокоиваться съ одной стороны тѣмъ, что со мной не случится ничего, противнаго природѣ всѣхъ вещей,—съ другой тѣмъ, что совершенно въ моей волѣ — не дѣлать ничего противнаго моего богу и моему генію» (ibid. IV, 23).

Совершенно понятно, что съ этой точки зрѣнія идея искушенія представляется, какъ нѣчто немыслимое.

«Въ своей личности, въ своей природѣ должно представить скорѣе образъ естественной неповрежденности, чѣмъ—возстановленія.» (ibid. I, 15).

Болѣе рѣшительнымъ образомъ противорѣчіе между христіанствомъ и стоицизмомъ не могло быть выражено.

«Думай ежечастно о томъ, что ты долженъ показать твердый характеръ, какъ прилично римлянину и мужу. Явись, въ отношеніи къ живущему внутри тебя генію, мужественнымъ существомъ, окрѣпшимъ съ лѣтами; покажи себя, какъ римлянина, какъ цезаря, какъ воина, ожидающаго на своемъ посту сигнала боевой трубы» (ibid. III, 5).

Маркъ Аврелій искалъ спасенія въ себѣ самомъ и думалъ, что нашелъ его... Но, къ чести благородной натуры Марка Аврелія, ему не всегда удается заглушить въ себѣ внутренній голосъ, протестующій противъ той бездушной гордости, того фарисейства, на которое онъ обрекъ себя. Иногда онъ, какъ бы невольно, проронитъ нѣсколько словъ глубокаго огорченія, разочарованія въ своемъ стоическомъ совершенствѣ, хотя и эти слова иногда отзываются гордостью.

«О душа моя! будешь ли ты когда нибудь доброю, простою? Будешь ли ты когда нибудь вкушать блаженство, счастіе — любить

и уважать людей? Будешь ли ты когда нибудь сама въ себѣ на столько богатой, на столько счастливой, чтобы не имѣть ни нужды, ни огорченія?» (ibid. XI).

Однако это чувство недовольства собой никакъ нельзя смѣшивать съ раскаяніемъ

«Кто согрѣшаетъ, — согрѣшаетъ противъ себя самаго».

Но несравненно чаще, чѣмъ эти выраженія недовольства, огорченія, у него встрѣчаются выраженія совершенно противоположныхъ чувствъ,—чувствъ великаго самоуслажденія своими совершенствами.

«Какъ ты велъ себя до этого дня? спрашиваетъ Маркъ Аврелій самого себя. Думай о томъ, что твоя жизнь совершенна, что твое дѣло исполнено. Вспоминай о многихъ пережитыхъ тобою счастливыхъ и прекрасныхъ часахъ, — о столь многихъ радостяхъ, — о горестяхъ, которыми ты пренебрегъ, о стольких неблагодарныхъ, которымъ ты отплатилъ доброжелательствомъ» (ibid. VI. 3).

Всѣмъ извѣстная молитва: «Боже! благодарю тебя, что я не таковъ, какъ другіе», постоянно и въ самыхъ разнообразныхъ тонахъ звучитъ въ устахъ Марка Аврелія (ibid. I. 13).

Какое презрѣніе, какое негодованіе долженъ былъ чувствовать этотъ праведникъ, посылающій къ небу эту молитву, какъ вызовъ, видя около себя толпу кающихся, умоляющихъ о милости и прощеніи и своими вздохами и слезами протестующихъ противъ этой горделивой праведности!

Если фарисей всемогущъ, и ему нужно сказать только слово для того, чтобы уничтожить мытаря, то онъ непремѣнно говоритъ это слово.

Но Маркъ Аврелій носилъ не одну мантію философа, но также культурную мантію цезаря; онъ былъ философъ — властитель. Его политическія убѣжденія, однако, вполнѣ вытекаютъ изъ философскихъ. Маркъ Аврелій исповѣдуетъ господство разума, не разума личнаго, индивидуальнаго, а міроваго. Мудрецъ — не индивидуумъ, не живая личность, а отраженіе общаго совершенства; реальность субъекта уничтожается въ туманѣ отвлеченнаго идеала...

«Цѣль разумныхъ существъ, — говоритъ Маркъ Аврелій,— подчиняться законамъ государства, особенно древнѣйшему государственному устройству». (Τέλος λογικῶν ξώων το ἕπεσθαι τῷ τῆς πόλεως καί πολιτειας τῆς πρεσβοτάτης (Ibidem II. 3).

«Подобно тому, какъ ты служишь къ пополненію цѣлаго, такъ и каждое изъ твоихъ дѣйствій должно служить къ восполненію твоей соціальной жизни. Каждое твое дѣйствіе, которое не служитъ такъ или иначе къ общей цѣли, вноситъ въ твою жизнь безпорядокъ, отнимаетъ у ней ея единства и дѣлаетъ тебя мятежникомъ, какъ будто бы ты разрушилъ этимъ единство гражданъ. (ὥσπερ ἐν δήμῳ ὁ τὸ καθ' αὑτοῦ μέρος διισ.άμενος ἀπὸ τῆς τοι αὐτης συμφωνείας (Ibid. IX. 23).

Высказывая эти мысли, Маркъ Аврелій выражаетъ принципъ, составлявшій краеугольный догматъ античнаго міросозерцанія въ области политики. Обратимъ ли вниманіе на духъ государственныхъ установленій, независимо отъ случайныхъ и историческихъ формъ,— раскроемъ ли сочиненія философовъ, прислушаемся ли къ голосамъ поэтовъ,—вездѣ мы найдемъ, что государство, община въ древнемъ мірѣ—это институтъ, которому подчинено было безъ различія все: жизнь, свобода совѣсти, частное имущество, это — церковь и государство вмѣстѣ, или лучше сказать сама совѣсть древняго человѣка, верховный законъ его жизни.

Христіанство, не возставая явно противъ существовавшаго порядка, тѣмъ не менѣе своимъ ученіемъ о свободѣ совѣсти наносило смертельный ударъ абсолютизму античнаго государства. Поэтому язычникамъ христіане представлялись врагами общества, ненавистниками всего порядка; они обвиняли ихъ въ томъ, что они стремятся ниспровергнуть всѣ основы, на которыхъ покоится человѣческое общежитіе, — въ ненависти ко всему роду человѣческому. Притомъ на сторонѣ язычества стояла историческая давность, вѣковыя преданія, окруженныя сіяющимъ ореоломъ безсмертной славы, украшенныя цвѣтами неподражаемой поэзіи, увѣковѣченныя несравненными памятниками,—вся наука, вся образованность древняго міра... Отъ всего этого нужно было отказаться ради новаго ученія, которое вышло отъ народа, ненавидимаго болѣе всѣхъ другихъ, которое проповѣдывали простые, мало ученые, бѣдные люди.

Такъ при первой встрѣчѣ далеко разошлись откровеніе и естественный разумъ, горделиво предъявлявшій притязаніе на абсолютное совершенство, на абсолютную непогрѣшимость, на самоспасеніе.

«Но позади этого эгоистическаго высокомѣрнаго разума находится сокровенная истина разума. Это—внутреннѣйшее ощущеніе и увѣренность, что мы существуемъ для Бога и идемъ къ Богу; это—глубочайшее, несомнѣнное нравственное сознаніе, что мы—грѣшники и нуждаемся въ благодати и помилованіи. Съ этимъ разумомъ согласно откровеніе». (Апологетика Лютарда. Пр. обозр. 1868 г. 21).

Но чтобы проникнуться этимъ сознаніемъ,—нужно было для древняго человѣка не только перейти мостъ, отдѣлявшій античное міросозерцаніе отъ новаго, но и совершить надъ собой великій нравственный подвигъ, — принести въ жертву свою гордость, свои притязанія на совершенство. Такой подвигъ не легокъ. «Когда я лежалъ во тьмѣ безсвѣтной ночи, — говоритъ св. Кипріанъ,— не сознавая заблужденія путей,—и колебался и не зналъ, такъ ли живу... то рѣшительно почиталъ труднымъ и невѣроятнымъ, чтобы кто могъ переродиться вновь; даже считалъ невозможнымъ отказаться отъ того, что уже, казалось, было прирождено и срослось съ естественнымъ, или что застарѣло отъ долговременной привычки и заблужденія; все это пустило глубоко свои корни» (Opera. lib. II, Ep. 2).

Въ началѣ нашего чтенія, сопоставляя античную образованность временъ римской имперіи съ современной намъ цивилизаціею особенно относительно успѣховъ науки и техническихъ усовершенствованій и открытій, мы сочли нужнымъ предпослать краткую апологію первой. Теперь, сопоставляя послѣдніе выводы, послѣдніе, такъ сказать, завѣты древней мудрости съ состояніемъ современнаго намъ западно-европейскаго міра, мы также считаемъ не лишнимъ высказать, что, возлагая свои послѣднія надежды на естественныя силы человѣка, на его разумъ, рисуя идеалъ совершенства мудреца, древній язычникъ отчасти былъ правъ: онъ не зналъ откровенія, не имѣлъ предъ собою другаго идеала. Когда наконецъ онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ носителями иныхъ надеждъ и вѣрованій, было уже поздно...

Если бы мы пожелали поискать историческихъ отношеній, которыя представляли бы нѣкоторую аналогію съ отношеніями христіанскаго и языческаго міра, то наше вниманіе всего скорѣе остановится на современныхъ намъ отношеніяхъ западнаго міра къ во-

сточному православно-христіанскому. Таже ненависть, воспитанная вѣками, тоже высокомѣріе, тѣже обвиненія, и въ основѣ всего этого глубокое различіе началъ, на которыхъ зиждется исторія того и другаго міра. По этому исторія отношеній языческаго міра къ христіанскому пріобрѣтаетъ особенный интересъ.

Одно изъ главныхъ отличій новаго міра отъ античноримскаго состоитъ въ томъ, что въ античномъ мірѣ *естественный* разумъ царилъ, какъ общій законъ, которому приносилась въ жертву личная свобода, и который порождалъ всепоглощающее государство; — въ новомъ мірѣ онъ выступаетъ, какъ индивидуальная сила. Въ жизни это начало проявляется, какъ безграничный произволъ, какъ необузданный эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ, породившій сначала феодализмъ, право сильнаго и подъ конецъ раздробившій общество на его послѣдніе элементы, т. е. на отдѣльныя лица. Римскій и германскій міръ—это полюсы, но на одной и той же периферіи. Борьба этихъ двухъ противоположностей наполняетъ собой всю исторію отношеній римскаго и германскаго міра.

Два раза возставали германцы противъ абсолютизма римлянъ.

Въ первый разъ при началѣ новой исторіи они отвоевали себѣ политическую независимость. Начало личности, безусловной индивидуальной свободы впервые восторжествовало въ области политической. На развалинахъ римской имперіи воцарился феодализмъ.

Но Римъ оправился. Его политическая сила погибла подъ напоромъ варваровъ, но онъ безконечно превосходилъ ихъ своимъ духовнымъ развитіемъ, и побѣдители вскорѣ оказались побѣжденными. Съ германцами случилось тоже, что нѣкогда произошло въ Римѣ послѣ завоеванія Эллады. Рабство политическое смѣнилось господствомъ, но наступило подчиненіе духовное, въ формѣ католичества. Но дѣло не могло навсегда остановиться въ такомъ положеніи. Національный духъ новыхъ народовъ развивался; ихъ разумъ, такъ податливо уступившій папскому авторитету въ началѣ среднихъ вѣковъ, сталъ заявлять свои права; народы Запада потребовали самостоятельности духовной, какъ прежде отстояли самостоятельность политическую. Они низвергли папскій авторитетъ. Однако что же они сдѣлали? Какое положеніе создано было реформаціей? Быть христіаниномъ и приверженцемъ папъ и ихъ доктрины — въ средніе вѣка значило одно и тоже. Отвергнувъ

папскій авторитетъ, отказались ли они отъ христіанства? На первыхъ порахъ,—нѣтъ. Они потребовали себѣ евангеліе, которое читать до тѣхъ поръ запрещалось.

Но, отвергнувъ папскій авторитетъ въ дѣлахъ вѣры, народы Запада предоставили разуму, личному разумѣнію — право судьи въ дѣлѣ религіи. Всѣ аттрибуты папскаго авторитета были перенесены на личное разумѣніе; вмѣсто одного папы образовалось безчисленное множество папъ. Начало личности, индивидуализма восторжествовало и въ области духовной.

Личное начало,—признаніе личнаго разума единственнымъ судіею въ дѣлѣ вѣры повело съ одной стороны къ разнообразнѣйшимъ сектамъ, съ другой—послѣдовательно привело къ невѣрію.

Въ самомъ дѣлѣ,—признаніе абсолютныхъ правъ личнаго разума и въ тоже время божественнаго авторитета христіанства и его Основателя, это—два положенія, рѣшительно несовмѣстимыя. Или человѣкъ признаетъ божественность откровенія и тогда подчиняетъ разумъ въ послушаніе вѣры, потому что въ такомъ случаѣ онъ встрѣтитъ въ откровеніи многое, что для него (разума) рѣшительно необъяснимо; или, удержавъ за собою право верховнаго критерія истины, онъ (разумъ) долженъ отвергнуть все сверхъестественное. Но подчинить разумъ въ послушаніе вѣры для западнаго человѣка значило бы снова возвратиться подъ иго папства; иной формы христіанства западный человѣкъ не знаетъ.... Таково трагическое положеніе западнаго человѣка; таковъ для него двоякій исходъ: или невѣріе или суевѣріе... Между тѣмъ какъ одна половина западнаго міра находится подъ игомъ папства, другая—борется противъ христіанскихъ истинъ: деизмъ, раціонализмъ, матеріализмъ, позитивизмъ...

Какъ въ области духовной личное начало, проявляющееся въ признаніи верховнаго значенія разума въ дѣлѣ вѣры, послѣдовательно ведетъ къ уничтоженію всякой вѣры; такъ въ области политики, въ практической жизни, проявляясь въ видѣ произвола, ведетъ къ уничтоженію любви.

«Здѣсь люди отказываются отъ излишняго произвола,—говоритъ К. С. Аксаковъ,—только потому, что произволъ вызоветъ произволъ другаго и выйдетъ драка. Желая чтобы меня не тронули, я не трону

другаго. Вотъ единственный разсчетъ такого общественнаго союза. Такимъ образомъ возникаетъ союзъ людей, похожій на общество— но это не общество, это общественный контрактъ, общественная сдѣлка. Средоточіемъ здѣсь является личность человѣка; личность, принужденная, для своей личной выгоды, явиться въ совокупности съ другими личностями, признаетъ чужую личность для того, чтобы и его также признали въ свою очередь, и условно ограничиваетъ себя, чтобы избѣжать ссоры. Любви нѣтъ въ этомъ кругѣ людей: она является совершенно лишнею при удержанномъ во всей силѣ эгоистическомъ началѣ личности и при сдѣлкѣ, отсюда возникшей...» (О соврем. человѣкѣ К. С. Аксакова. Изъ брошюры «Братская помощь»).

Вотъ почва, на которой проявляется и дѣйствуетъ на Западѣ сила слова Божія. Мы вѣруемъ, что не смотря на всѣ преграды, поставляемыя неблагопріятными условіями, оно приносило и приноситъ добрые плоды, что оно оказало сильнѣйшее вліяніе на жизнь западнаго человѣчества во всѣхъ сферахъ и отношеніяхъ, тѣмъ не менѣе, кажется, указанныя нами историческія условія ставятъ развитіе западныхъ народовъ въ сильнѣйшую опасность — утратить въ невѣріи всякій идеалъ и задохнуться въ безумномъ эгоизмѣ.

Нельзя сказать, чтобы эта опасность не сознавалась на Западѣ наиболѣе проницательными умами.

«Мы находимся, очевидно, при началѣ новаго періода культуры», говоритъ одинъ изъ современныхъ апологетовъ христіанства. И перечисливъ всѣ успѣхи новаго времени въ разныхъ отрасляхъ знанія жизни,—онъ продолжаетъ: «но нельзя закрывать глаза и для опасностей, которыя грозятъ уничтожить пріобрѣтенія прошедшихъ временъ и воспрепятствовать исполненію задачи будущаго времени. За успѣхами настоящаго времени скрывается отвратительный духъ страсти и отрицанія, подстерегающій добычу будущаго. Онъ можетъ быть побѣжденъ не внѣшнею силою, но только духовными силами и прежде всего высшею духовною силою—религіей; а успѣхи развитія культуры могутъ быть обезопасены для будущаго, какъ благословеніе человѣчества, не внѣшними установленіями, а только внутреннимъ духомъ, проникающимъ ихъ, духомъ религіи (Аполог. Лютарда. *Прав. обозр. 1866 г.).*

Но религіозное развитіе западно-европейскаго человѣчества обречено на выборъ между католичествомъ и протестантствомъ, между суевѣріемъ и невѣріемъ, потому что иной формы религіозной жизни, какъ мы сказали, Западъ не знаетъ.

Откуда же должно возсіять обновленіе міру?

Въ настоящее время выступаетъ, какъ мощный дѣятель, на сценѣ всемірной исторіи православно-славянскій міръ.

Особенность этого явленія состоитъ въ томъ, что этотъ міръ выступаетъ не просто, какъ отличный отъ западно-европейскаго, не въ томъ смыслѣ, какъ напримѣръ различаются между собою романская и тевтонская расы, но какъ несовмѣстимый съ существованіемъ тѣхъ началъ, на которыхъ развивалась жизнь западныхъ народовъ. Западъ чувствуетъ, что славянскій міръ угрожаетъ глубочайшимъ основамъ, на которыхъ построена его жизнь, понимаетъ, что по мѣрѣ того, какъ будетъ рости и усиливаться этотъ міръ, раскрываться его духовныя силы и внутреннія начала его жизни,— въ немъ будетъ возрастать сильный обличитель въ исторіи всей прошедшей его жизни, исключая, конечно, того, что въ немъ было великаго, благороднаго, истинно-человѣческаго...

Думаемъ, что у насъ, въ православно-славянскомъ мірѣ сохранилось истинное разумѣніе христіанства,—то, чему суждено и что единственно только можетъ одухотворить современную цивилизацію, избавивъ ее отъ господства эгоизма, страстей, грубаго утилитаризма и меркантильности. Вотъ безцѣнное сокровище, которое хранитъ для міра православный славянскій миръ и особенно наше отечество, — сокровище, превосходящее все, чѣмъ такъ гордится и красуется Западъ — матеріальныя богатства и блескъ.

Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей.
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой

Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!
Грознѣй тебя былъ Римъ великій,
Царь семихолмнаго хребта;
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И чтоже Римъ? И гдѣ монголы?
И, скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной Альбіонъ!
Безплоденъ всякой духъ гордыни,
Невѣрно злато, сталь хрупка:
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!
И вотъ за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголъ Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любвеживительный сосудъ
И вѣры пламенной богатство.

(Хомяковъ).

Извѣстное дѣло, когда одна какая либо сторона проникается рѣшительною ненавистью къ другой,—ненавистію, опирающеюся на существенныя разнорѣчія, тамъ всѣ стремленія вразумить остаются по большей части тщетны. Такъ было и въ древности, во время борьбы язычества и христіанства,—такъ это и теперь: всѣ наши попытки къ искреннему примиренію съ западными нашими сосѣдями едва-ли

въ состояніи потушить вражду, унаслѣдованную отъ всей прошедшей исторіи. Многіе изъ христіанскихъ апологетовъ принимали на себя тяжелую обязанность убѣждать тѣхъ, которые ничего не хотѣли слушать, указывали на нелѣпости въ языческихъ представленіяхъ о богахъ, на заблужденія философіи, ссылались на лучшихъ поэтовъ и мудрецовъ древности, говорившихъ, по ихъ мнѣнію, въ пользу христіанства. Все было тщетно.

Нѣкоторые изъ нашихъ,—говоритъ съ огорченіемъ Тертулліанъ, пытались собрать изъ сочиненій философовъ и поэтовъ свидѣтельства въ пользу христіанской истины. Но язычники не вѣрятъ своимъ собственнымъ писателямъ, когда они говорятъ въ пользу христіанства. «Вы *не хотите* выслушивать насъ,—обращается онъ къ язычникамъ,—поэтому вы и питаете ненависть къ христіанскому имени» (Apol. c. 1).

Отчаявшись въ самой возможности примиренія, Тертулліанъ прямо и откровенно высказываетъ существо дѣла, существо той разности, которая раздѣляла два міра.

«Что общаго между философомъ и христіаниномъ? между ученикомъ Греціи и ученикомъ неба? между заботящимся о славѣ и заботящимся о жизни? между дѣлателемъ словъ и человѣкомъ дѣла?..»

Съ своей стороны и язычники обвиняли христіанъ въ варварствѣ (Min. Fel. Oct. c. VIII. Orig. contra Celsum lib. 1. p. 5. 49. Sectam istam esse barbaram), прямо объявляли, что христіане — народъ любящій тьму и бѣгающій свѣта (Orig. contra Cels. ibid. p. 11. Malam esse rem sapientiam, bonam vere stultitiam), укоряли въ томъ, что христіане мало принимаютъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, что холодны къ интересамъ государства. (Tert. Apol. c. II. Christianum hominem omnium scelerum reum, — deorum, imperatorum, legum, morum, naturae totius inimicum existima). «Эти люди умерли для міра; отъ нихъ нѣтъ никакого толку. Что вышло бы изъ жизни, еслибы всѣ сдѣлались такими?» (Tertull. Апол. гл. XXIV).

Но въ самомъ разгарѣ взаимной полемики и всевозможныхъ обвиненій, сыпавшихся на христіанъ со стороны язычниковъ, — на

Востокѣ возникала и росла величавая сила, которой, казалось, суждено было внести примиреніе въ сердца враждующихъ.

Александрійская школа не нисходила до полемики съ язычествомъ въ частныхъ вопросахъ; ея апологетическая дѣятельность касалась самыхъ существенныхъ разнорѣчій, входило въ самый духъ той разности, которая раздѣляла два міра; тѣмъ не менѣе она не отвергала язычества цѣликомъ, не зачурмлялась отъ него,—она съ спокойствіемъ и достоинствомъ истины посмотрѣла съ недосягаемой высоты на заблужденія и несовершенства человѣческія и начала свою широкую примирительную работу.

«Всеобщность любви Божіей не могла быть препятствіемъ къ существованію особенной связи между Нимъ и тѣми, кои знали Его лучше. Иногда Божественная сила одушевляла мысль и разумъ человѣка, сообщая ему крѣпость и совершенное вѣдѣніе, иногда оживляла и согрѣвала человѣческое сердце, побуждая его къ исполненію добра» (Strom.VI, 47, 169).

«Слово—всеобщій свѣтильникъ. Его свѣтъ сообщается каждому народу, дѣлая его способнымъ къ принятію истины, — и нѣтъ страны, которая была бы лишена этого свѣта. Плодоносное сѣмя *слова было сѣяно* божественнымъ Сѣятелемъ отъ начала міра. Священныя истины разума и воли были изливаемы, какъ благотворный дождь, на все человѣчество; но плоды, происшедшіе отъ этого сѣмени, разнообразились, смотря по природѣ почвы, а иногда и по природѣ самаго сѣмени (Strom. I, 7, 37).

Божественная истина, правда, раздробилась въ различныхъ философскихъ школахъ на мелкія части, которыя и были развиваемы по личному усмотрѣнію каждаго.

Тѣмъ не менѣе, «каждая школа, возбуждающая и поддерживающая духъ изслѣдованія между людьми, неограничивающаяся какою либо частію философіи, но стремящаяся къ познанію Бога и всего добраго, можетъ приготовлять и вести къ совершенной истинѣ. Если философъ свободенъ отъ высокомѣрія, если онъ одушевленъ любовію къ истинѣ, если онъ свободенъ отъ предразсудковъ, — то и онъ можетъ придти къ вѣрѣ, достигнуть обладанія истиною» (Ibid).

«Дикой маслинѣ не соковъ недостаетъ, но способности правильно переварить протекающіе въ ней соки. Когда вѣтвь благородной маслины прививается къ дикой, первая получаетъ больше соковъ, которые она присоединяетъ къ себѣ, а послѣдняя—способность, силу—переварить ихъ. Такъ точно и философъ, котораго можно сравнить съ дикой маслиной, имѣетъ много неперевариммаго; онъ исполненъ энергическаго духа изслѣдованія, стремится къ благородному соку истины, и если теперь онъ получаетъ божественную силу чрезъ вѣру, то онъ перевариваетъ сообщонное ему питаніе и становится благородной маслиной».

Приведемъ другое сравненіе. Климентъ говоритъ, что полное, чистое откровеніе божественной истины относится къ отрывочному, одностороннему и потемненному пониманію въ человѣческихъ системахъ, какъ непосредственно сіяющій солнечный свѣтъ къ—добытому искусственнымъ образомъ чрезъ зажигательное стекло (Strom. I, V).

«Истина одна. Только заблужденіе имѣетъ тысячи расходящихся дорогъ, раздробленій истины... Но кто раздробленное вновь составляетъ и возвращаетъ Логоса къ его полнотѣ и единству, тотъ безъ опасенія познаетъ истину» (ibid).

Выполнили ли александрійцы намѣченную въ столь широкихъ и величественныхъ очертаніяхъ программу? — Напрасно объ этомъ и спрашивать. Эта программа и теперь стоитъ, какъ цѣль, къ которой стремится человѣчество. Эта программа—великій завѣтъ древней церкви для всего послѣдующаго ея развитія, но въ настоящее время когда съ особенною силой выдвигается вопросъ объ отношеніи православно-славянскаго міра къ католическому и протестанскому, намъ особенно должно помнить эти высокіе уроки.

Напрасно было бы надѣяться на современный успѣхъ этой великой примирительной миссіи еще и потому, что когда дѣло идетъ о разности во взглядахъ, идеяхъ, дающихъ направленіе цѣлымъ культурнымъ эпохамъ, захватывающихъ обширный кругъ на аренѣ всеміриой исторіи, тамъ борьба не замедляетъ перейти на политическую арену, тамъ являются иные дѣятели, чѣмъ философы и ученые...

Не смотря на всѣ препятствія, какъ мы сказали выше, христіанство распространялось съ неудержимою силой. Различныя, раздѣленныя между собою пространствомъ, христіанскія общины соединя-

лись, входили между собой въ братскія отношенія, начинали помогать другъ другу завязывать самыя тѣсныя связи. Каждый христіанинъ вездѣ, куда бы ни приходилъ, въ каждомъ городѣ, гдѣ только жили эти единовѣрцы, тотчасъ находилъ себѣ самый радушный пріемъ. «Что это значитъ,—спрашивали язычники, не понимая одушевлявшей христіанъ любви,—что это значитъ, что христіане, какъ будто по какимъ-то тайнымъ, условнымъ признакамъ узнаютъ другъ друга, любятъ другъ друга прежде, чѣмъ успѣютъ ознакомиться?»

Эти связи язычники приписывали существованію у христіанъ тайныхъ политическихъ цѣлей.

«Плачутся,— замѣчаетъ Тертулліанъ,— на распространеніе христіанства. Христіане — вопіютъ — на сушѣ, въ крѣпостяхъ, на островахъ»...

Не только язычество, но и тѣсно связанное съ нимъ государство инстинктивно чувствовало, что отъ христіанъ угрожаетъ ему опасность въ самыхъ глубокихъ основахъ его жизни. Начали тайно бояться тѣхъ, которыхъ прежде презирали, и этотъ страхъ сдѣлался источникомъ новой непримиримой ненависти.

Вмѣшательство фанатической языческой массы придало этой ненависти острую силу.

Современные поступки послѣдователей Мухаммеда противъ христіанъ напоминаютъ, какъ мы сказали выше, гоненія противъ христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ не со стороны только жестокостей, кровавыхъ эпизодовъ, — думаемъ, что то и другое имѣютъ еще другую общую черту: выясняютъ положеніе дѣлъ, указывая ясно и живо на болѣе глубокія разности.

Постараемся высказать нашу мысль яснѣе. Несомнѣнно, что православно-славянскій міръ имѣетъ свое особое назначеніе, совершенно отличное отъ того, которое выпало на долю Запада; за это говоритъ вся прошедшая исторія того и другаго. Славянство — это особый, отдѣльный, самобытный міръ, — это новый историческій типъ, если можно такъ выразиться. А между тѣмъ многими ли сознается во всей полнотѣ эта, до очевидности, ясная истина? Не слишкомъ ли поддаемся мы иноземному вліянію? Не черезъ чуръ-ли тонкую, почти неуловимую грань проводимъ между собою и Запа-

домъ? Уваженіе къ цивилизаціи, безспорно, дѣло очень хорошее. Но цивилизація, цивилизованные народы—эти и тому подобныя выраженія, обозначая, повидимому, нѣчто общее, не закрываютъ ли иногда болѣе, чѣмъ сколько нужно, глубокихъ разностей? Цивилизація, несомнѣнно, великое средство къ облагороженію нравовъ, смягченію дурныхъ инстинктовъ, къ сближенію между собою различныхъ національностей; но можетъ ли она примирить, не обезличивая, разности, идущія изъ глубокихъ, коренныхъ основъ національной жизни.

Жестокости турокъ, безъ всякаго сомнѣнія, ужасны и представляютъ явленіе, въ высшей степени плачевное. Но посмотрите, какъ по поводу ихъ и не для однихъ образованныхъ выяснились современныя намъ международныя отношенія и различія. Не очевидно ли въ настоящую минуту для каждаго, что глубокое различіе во взглядахъ, интересахъ, стремленіяхъ раздѣляетъ западный міръ отъ восточно-славянскаго, что чувства, движенія, мотивы одного—чужды, непонятны для другаго.

Безъ сомнѣнія, александрійцы въ III вѣкѣ безконечно высоко цѣнили христіанскую истину сравнительно съ языческою образованностью, съ философіей,—тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что вращаясь болѣе въ области идей, они нерѣдко теряли изъ виду глубокую бездну, раздѣлявшую два міросозерцанія и проводили слишкомъ уже незамѣтную, блѣдную грань между язычествомъ и христіанствомъ,—и только кровавая борьба церкви, кровь ея сыновъ возвращала къ истинному пониманію существа всей разности.

Сказавши о томъ, что мудрецъ, одушевленный любовію къ истинѣ и свободный отъ высокомѣрія, можетъ придти къ ней, Климентъ продолжаетъ: «лучшіе изъ грековъ поклонялись тому же Богу, какому поклоняемся и мы. Праведный не отличается отъ праведнаго, будетъ ли онъ рожденъ на святой или обыкновенной землѣ, во Іерусалимѣ, или въ Аѳинахъ. Кто внемлетъ голосу совѣсти подъ закономъ, или внѣ закона, тотъ принадлежитъ Ему» (Strom. VI, 617, 47).

Истина, по мнѣнію Климента, существовала и въ языческой философіи, но это былъ «плодъ въ скорлупѣ: надобно разбить скорлупу для того, чтобы воспользоваться плодомъ» (Strom. I, 1, 18).

Совершенно справедливо замѣчаетъ относительно только что изложенныхъ мыслей Прессансе: «христіанство не есть, какъ у Кли-

мента, быстрое, богатое развитіе прежде существовавшихъ зародышей, но чрезвычайный переворотъ. Между древнимъ и новымъ міромъ насажденъ крестъ,—крестъ, который служитъ для грековъ безуміемъ, а для іудеевъ соблазномъ».... «Не скорлупа плода должна быть разбита, а должно быть разбито сердце человѣческое, дабы оно могло быть способнымъ къ принятію Искупителя». (Исторія 3 первыхъ вѣковъ христ. церкви, т. 4).

Полагаемъ, что главнымъ образомъ вслѣдствіе этой ужасной жестокости, этого звѣрства, которыя испытали христіане первыхъ вѣковъ, церковь отъ образованныхъ своихъ членовъ до самаго простаго вѣрующаго сознавала себя, какъ нѣчто отдѣльное отъ языческаго міра и сохранила въ неприкосновенной чистотѣ свое святое достояніе.

Какъ положеніе нашихъ единовѣрцевъ въ Турціи всегда, въ мирное время также, какъ и въ военное, постоянно тягостно, такъ и положеніе первыхъ христіанъ, помимо воздвигавшихся открытыхъ гоненій, въ теченіи первыхъ трехъ вѣковъ было однимъ непрерывнымъ гоненіемъ, и это потому, что какъ тѣ, такъ и другіе совершенно безправны предъ враждебной имъ силою язычества и мухаммеданства. Но, какъ въ современной Турціи, на протяженіи столькихъ вѣковъ, подобное отношеніе между двумя религіями сопровождалось и сопровождается періодическими взрывами мухаммеданскаго фанатизма, такъ точно и въ первые три вѣка существованія христіанства фанатизмъ языческой массы неоднократно разражался страшными жестокостями и избіеніями.

Аналогія столь замѣчательна, что читая о неистовствахъ, чинимыхъ турками, совершенно переносимся въ тѣ времена, когда христіанству приходилось утверждаться въ мірѣ.

Въ самомъ дѣлѣ,—перенесемся въ любой городъ Африки, Малой Азіи, или Италіи. Гоненіе только разразилось. Христіане, во дни спокойствія принимавшіе участіе въ общественной жизни, появлявшіеся вмѣстѣ съ народомъ на форумѣ, спѣшатъ принять разнаго рода мѣры предосторожности, уклониться отъ злобной подозрительности, избѣжать предательства. Мы были прогнаны не только отъ портика, пишутъ ліонскіе христіане, изъ бань, съ форума, но намъ невозможно было показываться вообще въ какомъ либо мѣстѣ. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ этой страшной драмѣ преслѣдованія, охоты на христіанъ является народъ, т. е. фанатическая масса языч-

никовъ. Новый кровожадный крикъ: «christianos ad leonem»—раздается на улицахъ вмѣсто обычнаго «panem et circenses». Нужно было видѣть, разсказываетъ Діонисій александрійскій, какъ толпы фанатиковъ врывались въ жилища служителей Бога; каждый бросался въ тотъ домъ, который ему лучше извѣстенъ, чтобы предаться грабежу и разоренію. Драгоцѣнности расхищались; предметы, ничего, или очень мало стоившіе, разная домашная утварь сжигались на улицѣ. Точь въ точь какъ будто бы городъ подвергся непріятельскому нападенію (Евсев. ц. ист. V. 1).

Не было недостатка и въ подстрекательствѣ. Такъ императоръ Максиминъ, въ одномъ своемъ эдиктѣ исчисливши блага, которыми въ его время стала наслаждаться имперія, и бѣдствія, прежде ее постигавшія, продолжаетъ: «каждый знаетъ, что всѣ исчисленныя бѣдствія и даже еще жесточайшія прежде часто случались. Все это произошло вслѣдствіе вредоноснаго заблужденія, суетнѣйшаго суевѣрія тѣхъ преступныхъ людей» (Евсев. ц. ист. IX. 7).

Эти внушенія, неуступающія злобнымъ наставленіямъ мухаммеданскаго Бога, производили свое дѣйствіе.

«Тибръ ли подступаетъ къ стѣнамъ,—говоритъ Тертулліанъ,—Нилъ ли не выходитъ изъ береговъ, дождя ли нѣтъ, землетрясенія ли, голодъ ли, наводненія ли—всему виной христіане—къ львамъ христіанъ» (Tert. apol. cap. 40).

Но были и болѣе разумные императоры, которые хотя и считали распространеніе христіанства вреднымъ для государства, тѣмъ не менѣе понимали, что жестокость, насилія, необузданность народнаго фанатизма могутъ только компроментировать высокую мудрость и гуманность правительства. Положеніе такихъ правителей имѣетъ много сходнаго съ положеніемъ западно-европейской дипломатіи. Какъ тогда, такъ и теперь процвѣтаніе и возрастаніе христіанъ признается вреднымъ и нежелательнымъ, но и не желалось бы видѣть повторенія убійствъ и жестокостей. По этому указы такихъ императоровъ должны быть очень любопытны именно вслѣдствіе усилій пройти между Сциллой и Харибдой, устранить съ одной стороны вопіющія жестокости, съ другой—ослабить силу христіанъ. Напримѣръ, императоръ Троянъ запрещаетъ жестокости и усиленныя мѣры администраціи для открытія христіанъ, но въ тоже время предписываетъ наказывать тѣхъ, кто бу-

детъ открытъ и изобличенъ въ христіанствѣ,—мѣра, по справедливому замѣчанію Евсевія, заключающая сама въ себѣ противорѣчіе.

Древніе христіане, бѣдные, гонимые, по прошествіи трехъ вѣковъ восторжествовали. Они побѣдили великой, могучей силой вѣры въ истину своего ученія и призванія, и взоры всѣхъ благородныхъ умовъ не перестанутъ удивляться и благоговѣть предъ этимъ побѣднымъ шествіемъ истины, торжествующей своей собственной силой, предъ этимъ зрѣлищемъ, единственнымъ во всемірной исторіи.

Свѣтится ли тамъ, гдѣ въ страшномъ угнетеніи и мракѣ томится несчастная христіанская райя, хотя слабое подобіе того священнаго пламени вѣры и воодушевленія, которое отличало подвижниковъ креста въ первыя три вѣка?

Объявляемъ прямо: мы видимъ въ нашихъ единовѣрцахъ *мучениковъ вѣры*.

Далеко не нова мысль о томъ, что болгарскій и вмѣстѣ съ нимъ и восточный вопросъ разрѣшился бы несравненно легче, еслибы удалось тамъ утвердиться католичеству, или протестанству. Тогда, по всей вѣроятности, славяне перестали бы быть вреднымъ, ненавистнымъ народомъ, тогда бы не пришло въ голову подписывать смертный приговоръ цѣлому племени.

Бѣдный народъ, отстоявшій въ вѣковой борьбѣ съ непримиримымъ врагомъ своей вѣры свое святое достояніе, чуетъ инстинктивно, какимъ благополучіемъ хочетъ наградить его Западъ, понимаетъ, что, отнявши у него то, что сроднилось, слилось воедино съ его національнымъ духомъ, Западъ постарается заключить народный духъ его въ такія оковы, въ которыхъ ему пришлось бы томиться гораздо болѣе, чѣмъ въ темницахъ турецкихъ палачей.

Но не одною только силою вѣры преодолѣли первые христіане всѣ препятствія,—не менѣе способствовала къ тому великая братская любовь, связывавшая все великое Христово семейство неразрывными узами,—любовь, поражавшая современниковъ, изсохшихъ въ бездушномъ эгоизмѣ. Всякій разъ, когда разражалось гдѣ либо гоненіе, страдали не одни ліонскіе, смирнскіе, или римскіе христіане, — боль и мученія отдавались во всемъ великомъ христіанскомъ мірѣ, въ сердцѣ каждаго истиннаго сына церкви, — примѣръ, достойный подражанія!

N. N.